

Однако Ань Чанцин подготовился заранее и лишь сделал испуганный вид:

— Чанцин не смеет выражать недовольства. Тайцзыфэй занимает высокое положение и приходится нам старшей невесткой, так что вполне естественно, что Матушка-императрица любит ее больше. Ни у Чанцина, ни у князя нет ни малейших обид.

— Хоть это и так, но ведь вы оба — дети, которых я вырастила своими руками. Чашу нужно держать ровно, да и не хочется мне кого-то обижать, — улыбнулась императрица и, дав знак дворцовой служанке поднести подарки, добавила: — Посмотри, нравится ли тебе.

Ань Чанцин поспешно поднялся, чтобы выразить благодарность. На подносе, который держала служанка, лежали нефритовые подвески, свитки с живописью и каллиграфией — все дары отлично подходили мужчине.

Приняв подарки, Ань Чанцин снова сел. Императрица тем временем продолжила:

— У меня двое сыновей: наследный принц и Чжигэ. Наследный принц женился рано, его дитя уже само ходить научилось, так что беспокоюсь я теперь только о Чжигэ. Наконец-то и он связал себя узами брака, пора бы подумать о продолжении рода...

У Ань Чанцина упало сердце. А императрица между тем говорила:

— Вы только-только поженились, и мне не хочется навлекать на себя вашу немилость, посылая наложниц в вашу спальню. Однако у Чжигэ горячий нрав, и ты, как ванфэй, должен уразумлять его. Нельзя во всем потакать его своенравию, ведь кто-то должен продолжить его род...

Ань Чанцин опустил глаза, стремительно размышляя об истинной цели её слов. Мысли пронеслись вихрем, и решение созрело мгновенно.

Он неожиданно поднялся, откинул полы халата и, упав на колени, ниц склонился до самого пола:

— Молю августейшую бабушку-императрицу и Матушку-императрицу наказать меня: Чанцин не может подчиниться этому повелению.

— Ах, это дитя... — поразилась императрица и тут же велела слугам поднять его.

Но Ань Чанцин твердо оставался на коленях. Он упрямо вскинул голову и звонко произнес:

— Чанцин уже давно дал князю клятву верности до седых волос. В этой жизни я желаю лишь одного: быть рядом с ним вдвоем и не расставаться до самого конца.

Примечание автора:

#Правда или ложь#

Трусишка (втайне ликуя): Правда?

Но-но: А? Ложь, это просто чтобы обмануть императрицу.

Трусишка: ...? (надул губы)

После слов Ань Чанцина в покоях воцарилась мертвая тишина. Прислуга по обе стороны затаила дыхание, а дворцовые слуги готовы были уткнуться подбородками в грудь, лишь бы

остаться незамеченными.

— Вздор, — вдовствующая императрица сжала в руке четки из бодхи и опустила ладонь на подлокотник. Раздался глухой стук.

Императрица тоже изобразила на лице замешательство. Она смотрела на Ань Чанцина с заботой любящей матери:

— Вы сошлись совсем недавно, чувства ваши горячи, и я понимаю, почему вы не хотите принимать наложниц. Но ведь ты, Чанцин, мужчина, а Чжигэ необходим наследник кровных уз. Если вам никто не мил, я сама выберу девушку и отправлю к вам. Как только она родит дитя, её тут же отошлют. Ей не позволено будет стать вам помехой.

— ...Что скажете?

Хоть она и произнесла «что скажете», её взгляд был прикован к Ань Чанцину.

Встретив этот исполненный участия и теплоты взгляд, Ань Чанцин скрытой в рукаве рукой изо всех сил ужалил себя за бедро. Глаза его вмиг покраснели, заблестели от готовых вот-вот пролиться слез, но он упрямо не давал им упасть, а голос сорвался на всхлип:

— Все совсем не так... Князь обещал мне...

Поворачиваясь на коленях к Сяо Чжигэ, он поглядел на него со слезами на глазах:

— Князь обещал, что всю жизнь будет добр ко мне, что всю жизнь мы будем жить только вдвоем...

— Неужели князь обманул Чанцина? Неужели вы тоже хотите взять наложницу, хотите, чтобы другая женщина родила вам дитя?

Он стоял на коленях с прямым выправленным станом, точно тонкий саженец в лютую зиму — дрожащий под тяжестью снега, но упорно не желающий сгибаться. С непреклонной решимостью он пытался Сяо Чжигэ, и никто из присутствующих не смог бы ошибиться в чувствах, светившихся в его глазах: перед ними был безнадежно влюбленный, глубоко несчастный человек.

Императрица хотела уговорить его еще несколькими словами, но при виде этой сцены смолкла и уставилась на Сяо Чжигэ.

Взгляд Сяо Чжигэ застыл. Сжав кулаки на коленях, он казался ошеломленным этой лавиной упреков. Лишь спустя мгновение он поднялся, бережно подхватил Ань Чанцина и глухо произнес:

— Я не обманывал тебя.

— Я не возьму наложниц и ни с одной другой женщиной... не буду заводить детей.

Голос его звучал невероятно тяжело, словно каждое слово он с трудом выталкивал из горла. Императрица переглянулась с восседавшей выше вдовствующей императрицей, после чего быстро скрепила свои чувства и слегка недовольно попеняла:

— Чжигэ, отчего и ты творишь такой глупый произвол? Пусть ты не рожден мной, но я вырастила тебя своими руками. Если ты не покроешь свой род продолжателем, то как сможешь

смотреть в глаза своей рано ушедшей матери?

При упоминании родной матери в глазах Сяо Чжигэ мелькнула вспышка, но он тут же опустил взор, пряча эмоции:

— Ваш покорный слуга виноват. Однако... я действительно не питаю расположения к женщинам.

— Ты... Эх... — Императрица порывалась сказать что-то еще, но, видя их подобными разлучаемым силой уткам-мандаринкам, лишь тяжело вздохнула: — Ладно. Дети выросли, мне их уже не удержать.

Вдовствующая императрица приподняла веки и снова принялась медленно перебирать четки из бодхи:

— Не любишь женщин — пусть так. Но ребенок в любом случае должен быть. Не можешь родить сам — усынови, чтобы избежать сплетен. Или тебе мало тех слухов, что и без того ходят за твоей спиной?

Лицо Сяо Чжигэ оставалось бесстрастным. Он опустился на колени подле Ань Чанцина:

— Благодарю августейшую бабушку за милость. Спустя пару лет, если найдется подходящий ребенок, ваш внук усыновит его.

— Пусть так. Велю императрице присмотреть для тебя, — вдовствующая императрица взмахнула рукой. — Я утомилась, идите в дворец императрицы, посидите там.

— Слушаемся.

...

Выйдя из дворца Куньи, Ань Чанцин облегченно выдохнул и, воспользовавшись тем, что императрица шла впереди спиной к ним, тихонько подмигнул Сяо Чжигэ. Он только что плакал, уголки его глаз все еще оставались красными, так что мимика вышла одновременно жалостливой и озорной. Сяо Чжигэ неожиданно вспомнил его недавние со слезами на глазах упреки, и между его бровями проскользнула легкая беспомощность.

Не помни он четко, что никогда не произносил подобного, он и сам бы поверил, будто превратился в неверного и ветреного предателя.

Ну и маленький же обманщик.

Мысли обоих мелькнули лишь на мгновение. Императрица вскоре вела их к себе.

Императрица жила во дворце Чаофэн. В ее покоях они вместе пообедали и еще долго вели неспешную беседу, безупречно сыграв роль глубоко привязанных друг к другу матери и сыновей, и лишь после этого покинули дворец Чаофэн.

Проведя полдня в душных покоях, Ань Чанцин почувствовал удушье, поэтому они отказались от паланкина и не спеша пошли пешком к дворцовым воротам.

Утром выпал снег, но сейчас плиты из синего камня под ногами были чисты — ни следа свежего снежного покрова. Лишь на голых ветвях деревьев да крышах белели сугробы. Ань Чанцин изо всех сил вытягивал шею, пытаясь рассмотреть заднюю часть дворцового

комплекса, но видел лишь череду заснеженных крыш, не способный определить, где находится дворец Циу.

В прошлой жизни он жил именно во дворце Циу.

Тогда Сяо Чжигэ взошел на престол и, невзирая на протесты придворных, провозгласил его императором-супругом. Но Ань Чанцин не испытал и капли радости — лишь тихий ужас и смятение. Ему хотелось забиться в самый темный угол, лишь бы Сяо Чжигэ и сановники не обращали на него внимания, дав прожить жизнь в покое. Поэтому, когда Сяо Чжигэ указал на огромный императорский дворец и предложил выбрать себе покои, он выбрал не дворец Чаофэн, предназначенный императрице, а самый отдаленный дворец Циу.

Удивительно, но Сяо Чжигэ тогда ничуть не разгневался. Напротив, в нем проскользнула затаенная радость. С тех пор Ань Чанцин неизменно жил во дворце Циу — вплоть до своей смерти от яда.

К сожалению, дворец Чаофэн находился слишком далеко от дворца Циу. Сколь Ань Чанцин ни вглядывался, он так ничего и не углядел. Подавленно вздохнув, он повернул голову и невзначай спросил Сяо Чжигэ:

— Князь, в каком дворце вы жили прежде?

Сяо Чжигэ, не ожидавший подобного вопроса, удивленно вскинул взор. Несколько мгновений он молчал, а затем поднял руку и указал на одно из зданий в левом крыле:

— Там. До того как матушка скончалась, мы жили вместе во дворце Циу.

Позже матушки не стало, и некоторое время он оставался один во дворце Циу под присмотром слуг, пока императрица не забрала его во дворец Чаофэн.

— Во дворце Циу? — Ань Чанцин потрясенно уставился на него.

Сяо Чжигэ посмотрел на него:

— Что такое?

Опомнившись, Ань Чанцин поспешно покачал головой, пряча замешательство. Проследив за его пальцем, он действительно разглядел знакомый изогнутый карниз. Из-за расстояния иероглифы на табличке уже невозможно было различить, но Ань Чанцин отчетливо помнил каллиграфический рисунок каждого из трех знаков.

Неудивительно... Неудивительно, что в прошлой жизни Сяо Чжигэ нисколько не разгневался, когда он выбрал дворец Циу.

Оказывается, то было место, где Сяо Чжигэ жил вместе со своей матерью.

В груди у Ань Чанцина защемило. Он почувствовал, как много упустил в прошлом, так ни разу и не попытавшись по-настоящему узнать человека, стоящего рядом.

Сяо Чжигэ не знал его мыслей, но чутко уловил его внезапную подавленность. Помедлив мгновение, он все же сжал его слегка прохладную ладонь:

— Идем. Скоро стемнеет.

<http://bllate.org/book/18381/1767617>